

Е.В. Казарцева

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЕ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО НА ТЕРРИТОРИИ ГЕРМАНИИ

Рецензия на книгу: Попков В.Д. Покидая пределы этничности. Постсоветская эмиграция в Германии. Франкфурт-на-Майне: Посев, 2016. — 484 с. ISBN 978-3-7912-2016-1

В период с начала 1990-х до середины 2000-х гг. происходила интенсивная иммиграция русскоязычного населения в Германию из стран бывшего Советского Союза. Усиление миграционного потока из государств постсоветского пространства привлекло внимание многих немецких и российских ученых. В 2016 г. при поддержке фонда Гумбольдта (Alexander von Humboldt Stiftung) вышла монография В.Д. Попкова, посвященная исследованию русскоязычной эмиграции в Германии постсоветского периода (Попков 2016). Основная идея работы заключается в критическом осмыслении научных концепций, которые использовались ранее при исследовании мигрантов — выходцев из бывшего Советского Союза, а также в создании особого транснационального подхода к изучению русскоязычного населения современной Германии. Автор разделяет таких мигрантов на три группы: «русские немцы», «русские евреи» и «россияне». Опираясь на конструктивистскую методологию П. Бергера и Т. Лукмана, он делает попытку исследовать данные группы в контексте единого транснационального русскоязычного пространства.

Несмотря на внушительный объем, данная монография четко и подробно структурирована, она содержит четыре раздела, каждый из которых разбит на отдельные главы. Первый раздел посвящен проблемам русскоязычных мигрантов Германии и критике традиционных концепций, используемых исследователями при изучении мигрантов из бывшего Советского Союза. В. Попков обращает внимание на то, что многие, особенно немецкие авторы, зачастую концентрируют внимание только

Казарцева Екатерина Витальевна — кандидат социологических наук, сотрудник Научно-учебной лаборатории «Социология образования и науки» НИУ «Высшая школа экономики» (kazarceva.ekaterina@mail.ru)

Kazartseva Ekaterina — Candidate of Sciences (Sociology), Resercher, Scientific and Educational Laboratory “Sociology of Education and Science”, Higher School of Economics (St. Petersburg) (kazarceva.ekaterina@mail.ru)

на одной категории мигрантов, выделяя ее по этническому или политическому признаку (как участника соответствующей программы по переселению) (Попков 2016: 15–16). В результате русские немцы изучаются отдельно от контингентных беженцев (евреев), а русскоязычные, приехавшие в Германию на постоянное место жительства по другим причинам, вовсе выпадают из поля зрения исследователей.* При этом совершенно игнорируется тот факт, что как русские немцы, так и русские евреи, а также большинство остальных русскоговорящих мигрантов — выходцы из бывшего Советского Союза, единого социокультурного пространства.

В данном разделе также рассматриваются работы немецких и российских исследователей, посвященные двум категориям русскоязычных переселенцев: русским немцам и русским евреям; сравниваются наиболее распространенные направления: история происхождения данных миграционных групп, проблема дискриминации, религия, особенности самоидентификации, причины миграции и перспективы интеграции. Автор высказывает критические замечания о том, что до сих пор в научной литературе нет единого понимания феномена постсоветской эмиграции, а также нет общего представления о методах ее изучения. Автор также обращает внимание на то, что результаты исследования одной и той же группы мигрантов, полученные разными исследователями (несмотря на сходство методики), могут иметь существенные расхождения. Так, например, в одних исследованиях (в основном немецких) главной причиной эмиграции евреев стал антисемитизм в стране исхода, тогда как в других работах (в основном российских) указывались, прежде всего, экономические мотивы миграции (Попков 2016: 65–68).

Действительно, любопытно отметить, что, согласно результатам опроса, проведенного немецкими социологами среди контингентных беженцев (евреев) в 1993–1995 гг., в качестве основной мотивации эмиграции указывались антисемитские настроения на родине, тогда как экономические причины заняли только четвертое место среди главных мотивов миграции (Schoeps 1996: 61). Такие же результаты демонстрировались и в более поздних немецких исследованиях (Becker 2001: 196–197). При этом, как уже говорилось, российскими учеными были получены

---

* Стоит отметить, что автор данной монографии и ранее обращал внимание на то, что помимо русских немцев и евреев в Германии существует группа «этнических» русских, которая также заслуживает внимания исследователей (Попков 2000).

совершенно другие результаты.* Причину такого расхождения автор видит в том, что немецкие социологи уделяют внимание в основном этническим причинам миграции, поскольку эти причины заложены в основу государственных программ ФРГ по переселению немцев. По словам автора, подтверждение этничности русских евреев ищется в антисемитизме страны исхода (Попков 2016: 70), т. е. страны, откуда евреи «бегут», спасаясь от дискриминации. Обратим внимание на то, что, анализируя результаты своего исследования, автор приходит к выводу, что основным мотивом переезда русских евреев все-таки являются причины экономического характера, а проблемы дискриминации по национальному признаку указываются очень редко (там же: 199).** Другие критические замечания в отношении работ предшественников, выдвинутые в первой главе монографии, сводятся к тому, что тенденция изучения русских немцев и евреев как отдельных, не связанных между собой категорий мигрантов, не имеет оснований.

Во второй главе первого раздела монографии автор анализирует и критически оценивает исследования, в которых предпринимаются попытки изучения русскоязычной эмиграции в рамках концептов «соотечественников» и «русского мира». Основной недостаток таких исследований, по мнению автора, заключается в их чрезмерной масштабности и невозможности получения достоверной информации о глобальных процессах, происходящих в рамках такого широкого пространства.

Второй раздел монографии целиком посвящен замыслу и обоснованию методологии эмпирического исследования, проведенного автором в 2005–2008 гг. в Мюнхене. В данном разделе критически анализируются некоторые наиболее популярные методологии изучения мигрантов. Во-первых, автор обосновывает неэффективность использования этнокультурного подхода при изучении русских немцев и русских евреев, который предполагает наличие особых этнических и культурных маркеров, присущих этим группам. Во-вторых, подвергается критике диаспорный

---

* В нашем исследовании русскоязычной молодежи, которое проводилось в 2007–2008 гг. в Берлине, также ни один из информантов, приехавших по еврейской линии, не назвал антисемитизм в качестве мотива миграции. В основном назывались причины экономического характера (Казарцева 2012: 108–109).

** Можно было бы также предположить, что при опросах немецких исследователей респонденты-евреи могли несколько лукавить и давать «ожидаемые» ответы, т. е. говорить то, что от них хотят услышать немцы. При обследованиях российскими социологами, возможно, смысл в этом лукавстве пропал, и респонденты описывали реальную ситуацию.

подход к пониманию существующих русскоязычных групп мигрантов, который, по словам автора, «не отражает всей многогранности групп в Германии в ситуации глобального общества...» (там же: 114). В-третьих, высказываются критические замечания в отношении использования интеграционной методологии в исследованиях мигрантов: автор полагает, что в условиях глобализации и усиления транснациональных связей данный подход теряет свою эффективность, поскольку интеграция перестала быть необходимым условием для достижения мигрантами высокого социального статуса.

Здесь хотелось бы сказать несколько слов в защиту данной концепции. По мнению автора, применение интеграционного подхода к изучению мигрантов обосновано тогда, когда речь идет об их вхождении в культурно и этнически гомогенную среду, так называемое общество «контейнерного» типа, где во взаимодействие вступают только два актора: принимающее общество и интегрирующиеся мигранты (там же: 132). В процессе глобализации и появления транснациональных сообществ такой подход, по мнению автора, стал малоэффективным, поскольку «речь больше не идет об абсолютном доминировании одного из акторов взаимодействия...» (там же). Однако хотелось бы отметить, что Германия была и по-прежнему остается страной, где есть титульная нация, навязывающая всем приезжим собственные правила игры. Конечно, невозможно не согласиться с тем, что мигранты в Германии имеют возможность осуществлять любые культурные практики и создавать локальные и глобальные сети, позволяющие им чувствовать себя комфортно. Однако достичь высоких статусных позиций, например, без соблюдения определенных правил, которые, в частности, предписывают обязательное владение немецким языком, представляется невозможным. Наше исследование процессов аккультурации русскоязычной молодежи, проведенное в Берлине в 2007–2008 гг., показало, что незнание немецкого языка (даже при условии знания английского) не только значительно уменьшает шансы на достижение высокого социального статуса, но и помещает такие группы мигрантов в маргинальные слои (Казарцева 2009: 134). Кроме того, немцами все еще практикуется навязывание мигрантам собственных норм и моделей поведения на повседневном уровне, что также заставляет мигрантов или «подстраиваться», или формировать закрытые группы, где преобладают отрицательные стереотипы в отношении немцев (там же: 130–131). В этом смысле применение интегративного подхода при изучении и описании различных адаптационных стратегий мигрантов в немецкое общество, на наш взгляд, все еще представляется актуальным.

Альтернативой указанным выше методологиям изучения русскоязычных мигрантов Германии автор считает транснациональный подход. Транснационализм понимается как процесс, в котором мигранты создают социальные поля, объединяющие страну происхождения с принимающей страной (Попков 2016: 141). Преимущества данной концепции автор видит, во-первых, в том, что исследуемые группы не нужно рассматривать в пределах условных этнических границ, во-вторых, изучение мигрантов позволяет по-другому оценивать их включение в принимающее общество.

Во втором разделе монографии также обосновывается замысел эмпирического исследования: описывается методология, методы, цели, задачи и характеристики объекта исследования. Основная цель состоит в разработке нового подхода к пониманию феномена постсоветской русскоязычной миграции в Германию (Попков 2016: 155). Речь идет о возможности использования концепции транснационализма при изучении русскоязычного пространства в Германии. Данный подход автор предлагает применять при описании и анализе следующих вопросов: причин миграции русскоязычных групп Германии, особенностей их идентичностей, особенностей построения взаимодействия внутри русскоязычного пространства и с обществом страны исхода, анализе развития политики Германии и России в отношении русскоязычных мигрантов. В качестве объекта исследования выступают все русскоязычные мигранты старше 40 лет, имеющие опыт проживания в СССР или позднее на его территории и социализировавшиеся в советском обществе. Всех русскоязычных мигрантов автор разделяет на три группы: «русские немцы», «русские евреи» и «россияне», учитывая по возможности все существующие линии эмиграции. С представителями каждой группы проводились глубинные интервью: с русскими немцами — 19, с евреями — 32, с россиянами — 11 интервью. Соответственно, всего было проведено 53 интервью (их общее количество автором не указано). Как уже говорилось выше, данное исследование проводилось в 2005–2008 гг. в Мюнхене.

Третий раздел целиком посвящен результатам полевого исследования, анализу проведенных глубинных интервью. Первая глава посвящена процессу миграции указанных трех групп русскоязычного населения Германии. Автор анализирует причины миграции, их личную оценку, восприятие информантами советской действительности.* Здесь делается

---

* В отношении объекта исследования автор употребляет термин «респонденты». На наш взгляд, при применении качественных методов, таких, как глубинное интервью, уместнее было бы употреблять термин «информанты».

вывод о том, что различает, а что объединяет исследуемые группы мигрантов. Так, что касается причин миграции, то для русских немцев характерно явление массовой эмиграции под давлением внешней среды и дискриминации, а также вследствие желания стать «настоящими» немцами. Группу русских евреев характеризовало особое отношение к проблеме антисемитизма в советский и постсоветский период, хотя данная проблема не являлась решающей причиной для эмиграции. Для группы россиян характерно стремление сделать карьеру в Европе (не обязательно только в Германии). Представляется очень интересным вывод об общих мотивах миграции для всех групп русскоязычных, а именно, стремление «увидеть за границу», что является особенностью советских жителей в период «железного занавеса». Другой важной причиной переезда в Германию считается низкий социально-экономический уровень в странах бывшего Советского Союза.

Данный раздел также посвящен результатам, полученным при изучении формирования и декларирования идентичности русскоязычных мигрантов. Автор делает вывод о том, что, во-первых, многие информанты испытывают затруднения в определении собственной этничности, для них характерны мультиэтничные и надэтничные способы самоидентификации; во-вторых, в исследуемых группах объединяющих факторов оказалось гораздо больше, чем различий. Прежде всего, это касается культурных практик, которые абсолютно не совпадают с предполагаемыми этническими границами исследуемых групп.

В третьей главе анализируются сети связей русскоязычных мигрантов Германии: особенности формирования внутригрупповых границ и контакты с родиной. Автор выделяет так называемые малые коммуникативные единицы, создаваемые на основании личного доверия участников, которые, в свою очередь, также могут образовывать сети на основании коммуникативного доверия. При анализе связей русскоговорящих жителей Германии с их родиной автор выделяет два типа мигрантов: транснациональных и «оседлых». Эти сообщества различаются по степени их связи с исторической родиной. В первом случае для мигрантов очень важны такие связи, они не исключают возможности реэмиграции (это в основном русские евреи, приехавшие из крупных городов); во втором случае мигранты не ориентированы на страну исхода (в основном это русские немцы, выходцы из сел и небольших городов Казахстана).

Представляются интересными размышления автора по поводу содержательного и смыслового наполнения понятия «русский» в главе «Кто такие “русские”?» Автор обращает внимание читателей на обширность

и многогранность этого понятия, отмечая, что русское зарубежье состоит не только из мигрантов постсоветского периода, но и включает потомков более ранних волн эмиграции.

На наш взгляд, один из главных выводов работы В. Попкова заключается в том, что транснациональные сообщества, к которым относится большинство русскоязычных мигрантов Германии, характеризуются несовпадением этничностей и присущих им культурных практик, в связи с чем предлагается отказаться от использования этнических маркеров при исследовании данных групп мигрантов. В заключении автор приводит итоговые обоснования применения транснационального подхода к изучению зарубежного русскоязычного пространства.

По мере прочтения текста у нас возникли некоторые вопросы. Например, применим ли транснациональный подход к изучению всех возрастных групп русскоязычных мигрантов, или только тех, у кого есть советское прошлое, кто является носителем определенного менталитета, норм и моделей поведения? Другими словами, можно ли применять данную методологию, например, к изучению молодежи, т. е. второго поколения или так называемого полуторного поколения мигрантов, тех, кто родился в странах бывшего СССР, но чья социализация проходила уже в принимающей стране? На наш взгляд, трудности в применении транснационального подхода в отношении детей из семей мигрантов могут быть связаны с тем, что их контакты со страной исхода будут уже не столь сильны, как у старшего поколения. В особенности это может касаться русских немцев, у которых связи с родиной могут ослабевать и даже отсутствовать не только потому, что это, говоря словами автора, «длинные» связи, но также потому, что все нити были оборваны. В интервью, которые проводились нами в Берлине, информанты рассказывали, что переезжали в Германию целыми семейными кланами, так, что с родиной все связи были потеряны (Казарцева 2012).

Также хотелось бы обратить внимание на то, что автор рецензируемой монографии проводил исследование только в одном городе, в Мюнхене. Нам представляется, что если бы автор для сравнения взял интервью в каком-нибудь городе Восточной Германии (в бывшей ГДР: в Восточном Берлине или Дрездене), это могло бы разнообразить полученные результаты. Возможно, тогда удалось бы обнаружить различия в культурных практиках русскоязычных сообществ, живущих на территории бывшего ФРГ и ГДР, тем более, что автор сам указывает на то, что территории двух «Германий» до сих пор представляют собой различные культурные поля. Результаты нашего исследования также подтверждают

данный тезис: информанты отмечали, что восточные немцы являются носителями иного мировоззрения и менталитета, чем западные. Молодые люди в своих интервью не могли дать точные характеристики этих отличий, но признавались, что отношения и взаимопонимание с жителями бывшего ГДР у них складываются гораздо лучше, чем с западными немцами (Казарцева 2012: 39–40, 47).

В целом необходимо отметить, что работа В. Попкова написана очень легким, хорошим языком, что делает ее доступной не только для специалистов в области социологии, антропологии и этнопсихологии, но и для тех, кто просто интересуется историей и жизнью русской эмиграции.

Литература

Казарцева Е.В. Стратегии аккультурации русскоязычной молодежи Берлина. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2009, 4: 122–135.

Казарцева Е.В. *Иммигранты в Германии: особенности социокультурной интеграции русскоязычной молодежи в немецкое общество*. Дисс. ... канд. соц. наук. СПб., 2012.

Попков В.Д. Особенности адаптации русских эмигрантов в Берлине. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2000, 3: 158–166.

Попков В.Д. *Покидая пределы этничности. Постсоветская эмиграция в Германии*. Франкфурт-на-Майне: Посев, 2016.

Becker F. (2001) *Ankommen in Deutschland*. Berlin.

Schoeps J.H., Jasper W., Vogt B. (1996) *Russische Juden in Deutschland. Integration und Selbstbehauptung in einem fremden Land*. Athenäum Verlag, Weinheim.